

RU

Особенности восточноевропейского этапа развития идеи гражданского общества второй половины 1980-х – начала 1990-х годов

Михеева В. В.

Аннотация. Цель исследования состоит в анализе процесса реализации идеи гражданского общества в Восточной Европе 1980-1990-х годов. В статье рассматриваются теория, а также особенности практического воплощения концепции гражданского общества периода «бархатных революций» Восточной Европы 1970-1990-х годов. Научная новизна: впервые теория гражданского общества анализируется на материалах восточноевропейских авторов периода «бархатных» революций 1989-1991 годов. В результате исследования в статье были зафиксированы главные особенности восточноевропейского этапа развития идеи и практики гражданского общества, назван определяющий фактор процесса ее формирования. Указано на то, что особо слабым местом оказалась недостаточная концептуализация в терминах гражданского общества вопросов политики, государства и власти. Гражданское общество стало сакрализованным и поэтому утопическим идеалом демократии. «Возрождение» идеи гражданского общества в 1970-1980-х годах обернулось ее «упадком» в 1990-х годах. Отмечено, что концепция гражданского общества является сложной с точки зрения теории и практики, история ее развития по сравнению с другими концепциями отличается особой противоречивостью. Именно опыт Восточной Европы 1980-1990-х годов позволяет на эмпирическом уровне рассмотреть проблему дискретности политических процессов.

EN

Features of the Eastern European stage of the development of the idea of civil society in the second half of the 1980s – early 1990s

V. V. Mikheeva

Abstract. The purpose of the study is to analyze the process of implementing the idea of civil society in Eastern Europe in the 1980s and 1990s. The article examines the theory, as well as the specifics of the practical implementation of the concept of civil society during the "velvet revolutions" of Eastern Europe in the 1970s and 1990s. Scientific novelty: for the first time, the theory of civil society is analyzed on the basis of the materials of Eastern European authors from the period of the "velvet" revolutions of 1989-1991. As a result of the research, the main features of the Eastern European stage of the development of the idea and practice of civil society were identified in the article, and the determining factor in the process of its formation was named. It is pointed out that the lack of conceptualization of issues of politics, the state and government in terms of civil society turned out to be a particularly weak point. Civil society has become a sacralized and therefore utopian ideal of democracy. The "revival" of the idea of civil society in the 1970s and 1980s turned into its "decline" in the 1990s. It is noted that the concept of civil society is complex in terms of theory and practice, and the history of its development is particularly contradictory in comparison with other concepts. It is the experience of Eastern Europe in the 1980s and 1990s that allows us to consider the problem of discreteness of political processes on an empirical level.

Введение

Актуальность данного исследования. Последние десятилетия принесли с собой не только возрождение идеи гражданского общества, но и подтвердили тезис, что оно относится к наиболее сложным явлениям, как с точки зрения теории, так и с точки зрения практического воплощения. Поэтому в контексте острых дебатов относительно концептуальной неопределенности гражданского общества актуальность приобретает обращение

к историческому периоду и действующим лицам, олицетворяющим его возрождение и триумфальное возвращение к современной социальной теории. Речь идет о Восточной Европе 1970-1980-х годов и, прежде всего, периоде «бархатных» революций 1989-1991 годов. Символизируя крах коммунизма, эти революционные действия сделали гражданское общество лейтмотивом радикальных социальных сдвигов и основным понятием в политическом словаре определенных территорий. Огромную роль в этом процессе сыграли восточноевропейские интеллектуалы, создавшие свою концепцию гражданского общества. Имеются в виду работы польского политика, социального историка, одного из ведущих деятелей польской демократической оппозиции Бронислава Геремека (Geremek, 1992), концепция Второго общества венгерского историка, общественного деятеля, социолога Элемира Ханкиша (Hankiss, 1990), исследования Вацлава Гавела – последнего президента Чехословакии и первого президента Чехии, писателя, диссидента и правозащитника (Havel, 1985; 1996).

В статье ставится задача изучить особенности концептуализации идеи гражданского общества периода «бархатных» революций. Реализация поставленной задачи обусловила следующие подцели исследования: изучение особенностей восточноевропейского возрождения идеи гражданского общества; рассмотрение отличительных черт процесса становления гражданского общества в Восточной и Центральной Европе последней четверти XX в.

Методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов.

Теоретическая база. В отечественной историографии тема «бархатных» или «цветных» революций давно пользуется вниманием исследователей. К настоящему времени, помимо статей, посвященных этой тематике (Богомолов, 2008, с. 21-26; Бутенко, 2000, с. 88-103; Постников, 2010, с. 33-49), опубликован ряд монографий, в которых рассматривается феномен «цветных» революций (Бартош, 2020; Брычков, 2017; Наумов, 2023). Как правило, внимание ученых сосредоточено на историко-политических аспектах модели «бархатная революция», а также ее технологиях и тактике.

Что касается концепции гражданского общества, то на постсоветском пространстве процесс ее практического воплощения остается недостаточно исследованным. В отечественной научной литературе гражданское общество рассматривается преимущественно с позиции его правовых основ, либо, с применением социологических измерений, отслеживаются различные аспекты общественного сознания (гражданская активность и пр.). Отсутствуют работы, которые на эмпирическом материале рассматривают генезис гражданского общества, его динамику, дискретность политического процесса.

Теоретической базой исследования послужили работы политических деятелей, участников и очевидцев событий периода «бархатных» революций 1989-1991 годов – Бронислава Геремека, Элемира Ханкиша, Вацлава Гавела. В их работах данный период понимается как значимый в социальной и политической истории всей Европы, как время формирования нового порядка политических отношений, указывается, что результат процесса демократизации зависит от комбинации внешних факторов и внутренней региональной специфики (Geremek, 1992; Hankiss, 1990; Havel, 1985; 1996).

Также были проанализированы работы известных западных теоретиков концепции гражданского общества – социолога и политолога Ральфа Дарендорфа (Dahrendorf, 1990), директора Центра европейских исследований Тимоти Эша (Ash, 1989), социолога и политолога Эндрю Арато (Arato, 1991).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках исторического, политологического анализа событий в Восточной Европе 1970-1990-х годов.

Обсуждение и результаты

В современной трактовке гражданское общество – это «особая совокупность внесударственных отношений, имеющих относительную самостоятельность, автономность от произвольного вмешательства государства» (Долгих, Ишутин, Мажников, 2024, с. 289). Процесс формирования и развития гражданского общества происходил на протяжении многих веков. Термин «гражданское общество» (по-английски *civil society*) происходит от древнеримского слова *civitas* – «община». Члены общины в Древнем Риме являлись полноправными гражданами, субъектами римского частного права. При этом слова *civitas*, *civis* («гражданин»), *ius civile* («гражданское право») имели синкретичное значение, их политический и неполитический смысл не различался. Впоследствии неполитическое содержание сохранилось в понятиях «гражданское общество», «гражданское право», а политическое – в термине «гражданин» (Нерсисянц, 1999, с. 279). Однако вплоть до середины XX века феномен «гражданское общество» практически не рассматривался представителями гуманитарных и социальных наук (Тощенко, 2024, с. 140). Вместе с тем проекты гражданского общества получали свое практическое воплощение, модифицировались, эволюционизировали. Испанский теоретик гражданского общества В. Перес-Диас как-то заметил, что Запад продемонстрировал как приверженность гражданскому обществу, так и не менее поразительную способность исказить его фундаментальные институты и долгое время жить с этим искажением (Peres Diaz, 2003, p. 76-81). Напомним также общепризнанный факт, что с середины XIX столетия гражданское общество как важная категория социальной теории постепенно выходит из научного обращения. Среди причин такого упадка можно назвать то, что сначала Гегель «растворил» гражданское общество в государстве, а затем у Маркса его фактически заслоняет понятие «рыночного капитализма». Если бы

не кратковременный «феномен» А. Грамши, который обратился к теме гражданского общества в начале XX в., а точнее – социалистического гражданского общества (Gramsci, 1971, p. 23–25), то отрезок времени начиная с середины XIX в. и до середины XX в. можно было бы назвать «мертвым периодом» для этой идеи.

В данном контексте возрождение идеи гражданского общества, связанное с «бархатными революциями», приобретает особое значение. Восточноевропейский период развития концепции гражданского общества был отмечен парадоксами (Ehrenberg, 1999, p. 12). Он начался с одного феномена – своего ренессанса и завершился другим – упадком. Первый парадокс восточноевропейского возрождения гражданского общества состоит в следующем: гражданское общество как типично западная идея впервые появилось на Востоке в контексте распада коммунистической системы и как понятие было реанимировано в современной социальной теории в первый раз после середины XIX в. (Ховард, 2009; Тощенко, 2024). При рассмотрении этого феномена принципиально учесть, как наличие долгого разрыва в концептуальной истории гражданского общества, так и специфику исторических условий падения коммунистической системы.

Термин «гражданское общество» приобрел популярность во время «бархатных революций» Восточной Европы и фактически превратился в знамя, под которым они проходили. Но еще раньше – в конце 1970-х – начале 1980-х годов это понятие стало лейтмотивом деятельности оппозиции в Восточной Европе. Поэтому изучение ранних страниц истории использования термина «гражданское общество» важно для воспроизведения сложного действия возрождения идеи самореализации свободных граждан и ее теоретической рефлексии.

Среди отличительных черт возрождения идеи гражданского общества следует отметить особое сочетание теоретического подхода к гражданскому обществу с его применением в качестве политического лозунга. Пользуясь классификацией А. Селигмена по поводу форм употребления этого понятия, исследователи сориентированы на то, чтобы изъять из анализа его использование в качестве лозунга (Seligman, 1992, p. 203). Но именно восточноевропейская модель гражданского общества является уникальным исключением из правил, ведь только в ней гражданское общество как лозунг растет с другими его значениями в качестве аналитической концепции и нормативного видения социальной модели в странах Восточной Европы. Лозунг обязательного воплощения прав и свобод граждан приводит к усовершенствованию законодательства, корректировке правоприменительной практики, проработке форм общественного участия. Причины особой роли и доминирования лозунгового употребления гражданского общества становятся понятны, если учитывать ситуацию революционной эйфории в Восточной Европе второй половины 1980-х – начала 1990-х годов. В 1989 году польский диссидент Б. Геремек точно отразил состояние, переживаемое населением Восточной Европы в конце 1980-х: «...нам не нужно определять гражданское общество, мы видим его и чувствуем его» (Geremek, 1992, p. 4).

Итак, в возрожденном термине можно было найти простое и привлекательное объяснение сложных и неоднозначных процессов второй половины 1980-х – начала 1990-х годов. Однако, несмотря на революционные настроения жителей восточноевропейских стран и акцент на лозунгах и действиях, мы имеем дело и с особой теорией гражданского общества в период ее новейшего возрождения. Она представлена такими идеологами и деятелями демократической оппозиции, как Яцек Куронь (Kuron, 2011), Лешек Колаковский (Obecność: Leszkowi Kołakowskiemu..., 1987), Адам Михник (2010), Михал Вайда (Vajda, 1992), Янош Кис (Kis, 1990), Вацлав Гавел (Havel, 1985; 1996).

В общем плане формирование теории гражданского общества происходило как поиск демократической оппозицией социалистических восточноевропейских стран третьего пути между неудачными попытками свергнуть (Венгрия 1956 г.) или реформировать (Чехословакия 1968 г.) «реальный социализм». Лидеры антиправительственных движений и групп, взявшие на вооружение идею гражданского общества, определили себя как «новая оппозиция», противостоящая старой оппозиции марксистов-ревизионистов (Geremek, 1992; Hankiss, 1990; Havel, 1985; 1996).

В новом качестве гражданское общество служило инструментом преодоления иллюзий по поводу возможности ревизии марксизма и реформирования коммунизма. Позже лидер польского антикоммунистического движения А. Михник дал оппозиционной стратегии углубленное теоретическое обоснование. Акцент был сделан на программе «новой эволюции» или радикальных реформах «снизу» в противовес нацеленности на революцию. Два стержня этой стратегии составляли идеи «самоограничения» и «самоорганизации». «Самоограничение» означало, что объектом демократизации является уже не все общество, а только та часть, которая находится вне государственных институтов. «Самоорганизация» означала, что субъектом демократизации должно быть именно это независимое общество, способные к самоорганизации «параллельные структуры» (Михник, 2010, с. 12).

В процессе теоретического развития идеи реализации инициатив граждан сформировалась другая отличительная черта гражданского общества – дихотомия гражданского общества и государства. Ее главным источником провозглашается западная либеральная традиция. Впрочем, подобная привязка имеет свою историческую подоплеку. Ведь большая часть того, что мы знаем о реанимации гражданского общества в Восточной Европе, так или иначе, пришло с Запада (Ash, 1989, p. 225). Поэтому к вышеприведенному перечню интеллектуалов из рядов демократической оппозиции нужно справедливо добавить многих западных ученых, так или иначе причастных к истории развития восточноевропейской концепции гражданского общества. Среди них есть такие выдающиеся фигуры, как Ю. Хабермас (2012), Р. Дарендорф (Dahrendorf, 1990), Н. Боббио (Bobbio, 1984), Э. Арато (Arato, 1991), Дж. Кин (2001), Т. Эш (Ash, 1989). Если для Р. Дарендорфа гражданское общество – это «маяки нового движения к свободе» (Dahrendorf, 1990, p. 24), то Т. Эш утверждает, что «историю последних десятилетий Восточной и Центральной Европы можно презентовать как историю борьбы за гражданское общество» (Ash, 1989, p. 174). По мнению Э. Арато, «дискурс гражданского общества,

возрожденный в Польше в 1970-х годах», объединил представителей Запада и Востока так, «как это не мог сделать западный марксизм, так и не сумевший понять общества советского типа» (Arato, 1991, p. 161).

Вместе с тем, если говорить о связи восточноевропейской и либеральной концепций и их созвучности в отстаивании дихотомии «гражданское общество/государство», то объяснение нужно искать в том, что не теоретические проблемы и влияния, а скорее, сложные реалии подталкивали восточноевропейцев в сторону либеральной перспективы. Гражданское общество и в форме лозунга («мы» – граждане, против «их» – государства), и как либеральная теория с ее противостоянием государству, в условиях Восточной Европы конца 1980-х годов выглядели как лучшие опции. В частности, восточноевропейская концептуализация гражданского общества и его главная дихотомия также определялась борьбой с тоталитаризмом. Когда западное общественное мнение уже в конце 1950-х годов отказалось от использования этой теории, новая оппозиция, по оценке Я. Куроня, предложила самое глубокое понимание тоталитаризма (Kurón, 2011, p. 335). Из-за того, что тоталитаризм благодаря полному контролю государства над всеми сферами общества ликвидировал любое различие государства и общества, анти тоталитарный рецепт предлагал восстановить их дифференциацию и разграничение.

Чисто региональные особенности, а не западный методологический инструментарий лучше срабатывают и в анализе других элементов концепции гражданского общества. Наиболее показательно в этом отношении развитие в рамках упомянутой концепции проблематики «не-политического» подхода. В конечном варианте тема «не-политического» подхода оформилась в теорию антиполитики как важную составляющую восточноевропейской модели гражданского общества. Принцип антиполитики стал логическим продолжением и дополнением вышеупомянутой стратегии неэволюции с ее установками на самоограничение и самоорганизацию. Особую роль в развитии указанного принципа сыграли работы чешского политика Вацлава Гавела. Он попытался возвысить антиполитику выше уровня чисто тактических соображений, в том числе акцентировав ее моральное измерение как «этос гражданского общества». В своей работе «Сила бессильных» Гавел обосновывает необходимость отказа от традиционной политики как технологии силы и манипулирования, ведь, по его оценке, «она есть комплексное, всеобъемлющее и постоянное насилие над обществом или, скорее, насилие общества над самим собой» (Havel, 1985, p. 68). Демократическая оппозиция, по его мнению, отличается тем, что является движением по защите общества и прав человека. Оппозиция не только исключает традиционную политику, но и не может в противостоянии с каноничным подходом пользоваться ее методами. Следовательно, выбор антиполитики обусловлен тем, что защитная стратегия оппозиции «не предлагает никакой новой концепции, модели или идеологии и потому не является “политикой” в полном смысле этого слова, потому что политика всегда предполагает “положительную” программу и вряд ли может ограничиться защитой кого-то от чего-то» (Havel, 1985, p. 68-69). По оценке Гавела, такой стратегический выбор оппозиции свидетельствует о ее силе и выглядит как бессилие только для тех, кто исповедует традиционное видение политики. Дополнительное усиление антиполитики он видит во включении моральных и этических факторов, потому что в новых условиях речь идет о «служении истине» вместо предыдущей «жизни с ложью».

Что касается принципа антиполитики, то, как лейтмотив действий оппозиции и как элемент ее тактики, он постепенно исчезает в конце 1980-х годов. Антиполитическая критика власти перемещается в сферу культуры, что на время усилило гавеловские идеи о «политике сердца» и «политике символов». Что касается антиполитики как критики государства, то это направление противостояния удерживалось оппозицией дольше всего, что, однако, приводило лишь ко все большему осознанию его фундаментальных недостатков (Jorgensen, 1992, p. 53).

Особенно явными изъяны оппозиции стали в постреволюционный, то есть в посткоммунистический период. В результате восточноевропейских революций 1989 г. оппозиция как выразитель гражданского общества пришла к власти или, скорее, оказалась во власти. Как ни странно, ее победа стала началом кризиса гражданского общества в Восточной Европе в качестве и лозунга, и теории. Действия многих бывших оппозиционеров шокировали общественность жадной властью и методами ее достижения, которые не уступали худшим образцам политики коммунистов. Настоящие герои гражданского общества, оказавшиеся изгоями, даже стыдились вспоминать о нем. Неудивительно, что десятая годовщина успеха польской Солидарности прошла почти незамеченной. В то же время новые и далекие от этой идеи деятели хорошо усвоили ее дискурс, чтобы под лозунгами «укрепления гражданского общества и демократии» замаскировать совершенно другие намерения и цели (Kis, 1990, p. 75).

Драматическое изменение акцентов зафиксировали западные ученые, отмечая, что «гражданское общество в середине 1990-х годов уже не является таким увлекательным лозунгом, каким оно стало для многих восточноевропейских интеллектуалов в 80-е годы» (Hann, 1996, p. 9). Впрочем, такие же оценки, но со стороны указанных интеллектуалов, могут производить впечатление приговора для этой идеи в посткоммунистической Европе. В подтверждение растущего пессимизма в отношении построения гражданского общества достаточно привести мнение того же В. Гавела. «Я хорошо понимаю разочарование тех, кто больше не может видеть подобный ренессанс гражданского общества в нашей стране, – пишет он. – Я также хорошо понимаю, что чем сильнее они в него верили (пусть с определенной дозой наивности), тем сильнее их разочарование сегодня» (Havel, 1996, p. 15).

Итак, после поразительного возрождения идеи гражданского общества в Восточной Европе в 1970-х годах уже в конце XX века произошел не менее впечатляющий ее упадок. Был пройден еще один удивительный цикл – «развитие – упадок», который понятие «гражданское общество» не раз демонстрировало в истории своей длительной эволюции. Всего через два десятилетия после своего неожиданного ренессанса в Восточной Европе гражданское общество и как общий лозунг, и как концепция, вместо ощущения эйфории, стало ассоциироваться с разочарованием, цинизмом, индифферентностью или, в лучшем случае, с ностальгией

по прошлому. В этой связи необходимо подчеркнуть, что гражданское общество в своих разных проявлениях (идеи, теории, дискурс, стратегии и тактики действий главных акторов) сыграло огромную роль в падении коммунизма в этой части мира. Вместе с тем, как продукт конкретных исторических и интеллектуальных условий, оно продемонстрировало свою ограниченность и неопределенность, особенно на своем теоретическом уровне. Как ни странно, поначалу размытость концепции гражданского общества даже придавала идее построения общества граждан, которые имеют возможность самореализовываться, определенное преимущество. Идея построения гражданского общества помогала объединять чрезвычайно широкие круги социальных акторов с разными интересами. Пример успеха Солидарности в Польше 1980-х годов хорошо подтверждает стратегическую ценность столь нечеткого использования понятия гражданского общества, которое действительно мобилизовало вокруг себя совершенно разнородные социальные движения. Но успех польского объединения независимых профсоюзов был кратковременным, в то время как теоретические погрешности «Солидарности» быстро обнаружила дальнейшая практика развития посткоммунистических обществ. Недостатки концепции гражданского общества, как и сама идея о свободном самоуправлении граждан, во многом также определили природу восточноевропейского посткоммунистического общества.

Заключение

Подводя итоги, зафиксируем главные особенности восточноевропейского этапа развития идеи и практики гражданского общества.

Указано на то, что концептуализация гражданского общества происходила в уникальных условиях, когда практика радикальных социальных сдвигов в регионе стала определяющим фактором процесса ее формирования.

Наиболее слабым местом оказалась недостаточная концептуализация в терминах гражданского общества вопросов политики, государства и власти. С этим связан шок и растерянность, которые пережили оппозиционеры, когда оказались у власти и столкнулись с необходимостью положительного решения этих вопросов. На самом деле, реальные процессы доказали важную роль политического фактора в решении главных проблем посткоммунистического этапа и самого гражданского общества. Поэтому попытки подавления политики через принцип антиполитики оказались не только утопией, но и худшей разновидностью политики.

Провозглашенная дихотомия гражданского общества и государства, хоть и с собственными, а не либеральными корнями, вместе с установками на самоограничение и самоорганизацию общества вопреки государству также имели драматические последствия. Речь идет не просто о слабом анализе проблем государства и власти в соответствующих теоретических схемах, а фактически о его отсутствие. Теория тоталитаризма, использованная для обоснования этой дихотомии, не могла заменить теорию государства и тоже оказалась очередным политическим мифом. Дуалистическая концепция упрощенно привела к развитию государства в качестве демонизированного носителя недемократичности. Гражданское общество стало сакрализированным и потому утопическим идеалом демократии. Переосмысливая этот дуализм с точки зрения посткоммунистических уроков, один из польских активистов оппозиции Б. Геремек делает акцент на том, что «гражданское общество не действует в оппозиции к демократическому государству, а сотрудничает с ним». Он даже больше не поддерживает мнение, что идея гражданского общества «может быть полезна в построении демократии» (Geremek, 1992, p. 12).

Но второй парадокс восточноевропейского этапа концептуальной эволюции идеи гражданского общества не исчерпывается быстрым переходом от дискурса ее «возрождения» в 1970-1980-х годах к дискурсу ее «упадка» в 1990-х годах. Не менее парадоксален тот факт, что именно в это время, когда надежды и оптимизм восточных интеллектуалов и политиков сменились разочарованием в гражданском обществе, западные теоретики в восторге подхватили эту концепцию и сделали ее ключевым моментом развития современной социальной теории.

Тем самым идея гражданского общества продолжила свою дальнейшую теоретическую эволюцию, предоставляя новые подтверждения тому, что эта концепция является наиболее сложной с точки зрения и теории, и практики, а история ее развития по сравнению с другими концепциями отличается особой противоречивостью.

Перспектива дальнейшего исследования. Изучение положительного и отрицательного опыта, успехов и неудач воплощения идеи гражданского общества странами Восточной Европы 1980-х – начала 1990-х годов открывает новые возможности процессу выработки практических рекомендаций для политической стратегии становления гражданского общества, для подготовки современной концепции становления гражданского общества.

Источники | References

1. Бартош А. А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция. М.: Горячая линия – Телеком, 2020.
2. Богомолов О. Т. Какую модель общества рождает постсоциалистическая трансформация? // Российский экономический журнал. 2008. № 3/4.
3. Брычков А. С. «Цветные революции»: генезис, содержание и пути противодействия. Смоленск: Смоленская гор. тип., 2017.
4. Бутенко А. П. Россия и современный мир: о «бархатных» и «небархатных» революциях в странах Центрально-Восточной Европы // Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. Дискуссии. 2000. № 3 (28).

5. Долгих Ф. И., Ишутин А. А., Мажников В. И. Обществознание: учебник. М.: Университет «Синергия», 2024.
6. Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М.: Прогресс традиция, 2001.
7. Михник А. Антисоветский русофил. М.: Летний сад, 2010.
8. Наумов А. О. «Цветные революции». М.: Кучково поле, 2023.
9. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. М.: Норма; Инфра-М, 1999.
10. Постников Н. Д. Бархатные революции в Польше, ГДР, Чехословакии. Хроника событий // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2010. № 3.
11. Тощенко Ж. Т. Гражданское общество: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024.
12. Хабермас Ю. Ах, Европа: небольшие политические сочинения. М.: Весь мир, 2012.
13. Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс, 2009.
14. Arato A. Revolution, Civil Society and Democracy // The Reemergence of Civil Society in Eastern Europe and the Soviet Union / ed. by Z. Rau. Boulder, 1991.
15. Ash T. G. The Uses of Adversity: Essays on the Fate of Central Europe. Cambridge, 1989.
16. Bobbio N. Il futuro della democrazia. Turin: Einaudi, 1984.
17. Dahrendorf R. Reflections on the Revolutions in Europe. L., 1990.
18. Ehrenberg J. Civil Society: The Critical History of an Idea. N. Y., 1999.
19. Geremek B. Civil Society Then and Now // Journal of Democracy. 1992. Vol. 3 (2).
20. Gramsci A. Prison Note-books. N. Y., 1971.
21. Hankiss E. East European Alternatives. Oxford, 1990.
22. Hann C. Civil Society: Challenging Western Models. L. – N. Y., 1996.
23. Havel V. Civil Society After Communism. Rival Visions // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7 (1).
24. Havel V. The Power of the Powerless. Citizens against the State in Central-Eastern Europe. L., 1985.
25. Jorgensen K. The End of Anti-politics in Central Europe // Democracy and Civil Society in Eastern Europe: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East Europeans Studies. N. Y., 1992.
26. Kis J. The Collapse of the Soviet Bloc: Poland and Hungary in Transition // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1 (1).
27. Kuron J. Taki upor. Warszawa: Osrodek KARTA, 2011.
28. Obecność: Leszkowi Kołakowskiemu w 60 rocznicę urodzin. L.: Aneks, 1987.
29. Peres Diaz V. La primacia de la sociedad civil: el proceso de formación de la España democrática. Madrid, 2003.
30. Seligman A. The Idea of Civil Society. N. Y., 1992.
31. Vajda M. A. A történelem vége? Közép-Európa – 1989. Budapest, 1992.

Информация об авторах | Author information

Михеева Виталина Владимировна¹, к. ист. н., доц.

¹ Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Vitalina Vladimirovna Mikheeva¹, PhD

¹ Synergy University, Moscow

¹ vitalinm7@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.11.2024; опубликовано online (published online): 23.12.2024.

Ключевые слова (keywords): Восточная Европа в 1980-1990-х гг; гражданское общество; «бархатные» революции; дискретность политических процессов; Eastern Europe in the 1980s and 1990s; civil society; "velvet" revolutions; discreteness of political processes.